

Ф.П.ФЁДОРОВ. Довид Кнут. - Москва: Изд-во "МИК", 2005. - 447 с.

Читательское представление о русской литературе двадцатого столетия сравнительно недавно стало заметно расширяться за счёт - едва ли не в первую очередь - писателей, в разное время оказавшихся за пределами России, но в творчестве своём сохранивших верность русскому языку и традициям русской культуры. Сегодня можно с уверенностью констатировать, что наступила пора не только расширения, но и углубления этого интереса в литературоведении: возвращённые и новые (для большей части ценителей литературы) имена и книги всё чаще становятся предметом скрупулёзного изучения специалистов.

Такого рода путь проходит ознакомление с творчеством Довида Кнута (1900-1955) в новейший период. Талантливый поэт, родившийся и выросший в Бессарабии, с 1920 г. жил он в Париже, а в 1949 г. переехал в государство Израиль, где и завершил свой земной путь. В стране (в широком смысле), в которой поэт прожил первые двадцать лет своей жизни, его имя долгое время не вспоминалось вовсе. Так, в девятитомной Краткой Литературной Энциклопедии оно не встречается ни разу. До определённой поры немногим лучше обстояло дело и на "русской улице" Израиля. Как справедливо пишет автор рецензируемой книги, "возвращение Кнута произошло в 1990-е годы, под занавес XX века" (с. 7).

Этапным событием в этом процессе явился выход в Иерусалиме в 1997-98 гг. двухтомного собрания сочинений поэта. В 2000 г. в Лионе увидела свет книга израильского слависта Владимира Хазана "Довид Кнут: Судьба и творчество". Объёмная монография латвийского учёного Ф.П.Фёдорова, изданная в Москве спустя почти пять лет, знаменует не просто продолжение начатого ранее группой литературоведов (в том числе и самим Ф.Фёдоровым) представления полузабытого автора страстным любителям поэзии, а также кругу специалистов и студентов, но и закономерный переход к более глубокому историко-литературному и теоретическому исследованию его поэтического наследия.

Уже в первой, обстоятельной главе с гротесковским названием "Жизнь и судьба" даёт себя знать своеобразие исследовательского подхода к материалу. Здесь не просто излагаются сведения о важнейших этапах бытия и деятельности Кнута; его жизнь вписана в реальный исторический и культурный контекст. Справедливо полагая, что книга может попасть в руки читателя, который в силу ряда причин недостаточно осведомлён в вопросах существования еврейского этноса и развития еврейской культуры в царской России, Ф.Фёдоров как бы "грунтует холст", сообщая в первом разделе главы и о возникновении антисемитизма в Европе, и об отношении российской творческой интеллигенции к такого рода идеологии, и о первых волнах еврейской эмиграции из европейских стран, включая Россию, и о возникновении сионистского движения. На этом фоне рельефнее просматривается процесс становления и развития Довида Кнута как литератора, анализируемый во втором разделе главы.

Характеризуя кишинёвские детство, отрочество и юность Кнута, литературовед часто обращается к его прозе, находя в отдельных рассказах отзвуки собственного детского опыта писателя. Парижский, самый длительный период его жизни представлен не только объективным перечнем дат и событий, но и подан, так сказать, в субъективном отражении - в отзывах современников и отрывках из их воспоминаний. Достаточно лаконичная глава насыщена очень важными сведениями о незаурядной личности поэта и его окружении. Отдельными штрихами вводится информация о вхождении Кнута в жизнь русской литературной эмиграции, о близости его политических воззрений по ряду вопросов к позициям Владимира Жаботинского; кратко, но чётко сказано об антифашистской деятельности Кнута, его участии во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны, о его второй жене Ариадне (в иудаизме - Сарре), дочери выдающегося русского композитора А.Н.Скрябина, сражавшейся в Сопротивлении, погибшей в 1944 г. и посмертно удостоенной высоких государственных наград Франции.

Подробное описание эволюции Кнута-поэта в последующих главах монографии отмечено высоким уровнем анализизма. В предваряющей этот разговор главе "Лирический корпус: обзор" дано не просто суммарное представление обо всём, что создано Кнутом-лириком, и о составе его главных книг, но прочерчены важнейшие тематические линии творчества поэта. При всём обилии

существенных исторических и чисто историко-литературных сведений, в последующих частях монографии определяющими, цементирующими научный труд, являются теоретико-литературные проблемы.

Обозначив Исход как "магистральную мифологему" Кнута, исследователь рассматривает всё его наследие в двух планах - плане диахронии и плане синхронии. Притом в центре внимания всегда оказываются важнейшие поэтические мотивы, конституирующие непростую "кнотовскую картину мира".

Рассмотрение диахронии мотивов начинается с первого сборника Довида Кнута "Моих тысячелетий" и конкретнее - со стихотворения "Я, Довид-Ари бен Меир...", которым открывается названный сборник. Тот факт, что тем же самым стихотворением открыл поэт впоследствии и книгу "Избранных стихов", подчёркивает важность этого, в какой-то степени программного текста; не случайно в своей монографии Ф.Фёдоров так часто возвращается к нему, описывая исходные точки ряда тем и мотивов и видя в нём не просто стихотворный портрет художника в молодости, но "стихотворение-откровение, стихотворение-пророчество" (с. 107).

Художественное пространство лирики Кнута находит своё выражение в своеобразной триаде: родина (Кишинёв) - чужбина (Париж) - прародина (Израиль). Между каждой из пар этой триады существует отношение типа бинарной оппозиции. Впрочем, здесь не следует искать сугубо релятивистского восприятия разных топосов собственного бытия лирического героя; в рассматриваемой книге показано, как каждый из топосов существует в отдельных стихах и вполне субстанционально. Но, как всегда бывает в лирической поэзии, главным предметом воссоздания в стихе в конечном счёте является авторское отношение к объекту. Примером могут служить хотя бы пронзительные стихи, порождённые жизнью на чужбине:

Вот в такие минуты совершаются тёмные вещи,
И простор поднебесный вдруг тесней подземелья крота.
Все слова безнадежней, все обиды старинные резче,
И вокруг человека величаво растёт пустота.

Закричать? Но кричат лишь в театриках бедных кварталов.
Убежать? Но - куда? Да и как от себя убежишь?
День - не хуже других - бывших, будущих и небывалых...
И вокруг - неизменный, равнодушно-весёлый Париж.

В диахроническом изучении стихов Кнута, автор монографии выделяет целый ряд микромотивов, характеризуя их художественную семантику. Это мотивы пустыни, снега, тумана, холода и т. д., в большей степени характерные для сборника "Моих тысячелетий". Переходя к разговору о "Второй книге стихов", Ф.Фёдоров пристально всматривается в творческую эволюцию поэта, замечая, что во втором сборнике исчезают свойственные первой книге "восточный метафорический ореол" и "ветхозаветная атрибутика", а "топос пустыни сменяется топосом с городскими приметами" (с. 177). Столь же детальный анализ сборника "Парижские ночи", позволяет прийти к обоснованному выводу, что эта, четвёртая книга поэта во многом "контрапунктна" первым двум сборникам, тогда как пятый сборник ("Насущная любовь") во многом продолжает "Парижские ночи".

Что касается третьей книжечки Кнута "Сатир", состоящей всего из шести стихотворений, вышедшей маленьким тиражом, а впоследствии дезавуированной самим поэтом, о ней речь идёт в кратком "отступлении", вынесенном в финальную часть монографии. Ф.Фёдоров очень тактично рассуждает об этом сборнике и его судьбе, не перечёркивая его, но в то же время и не объявляя решение автора дезавуировать "Сатиру" неправомерным. Думается, что рецензия Б.Харитона, опубликованная рижской газетой "Сегодня" в далёком 1929 году, - в книге она пространно цитируется - была в основном справедливой. В связи с "Сатиром" ещё раз убеждаешься в правильности установки, принятой Фёдоровым: судить художника по его вершинным созданиям.

Сравнительно лаконичная глава посвящена синхронии макромотивов в лирике поэта. Таких макромотивов (мифем) исследователь выделяет три; своего рода эмблемами их являются библейские имена: Давид, Соломон, Экклесиаст. Причём если один из этих мотивов (Давид) заявлен уже в начале

первой книги Кнута, то, как точно замечено Фёдоровым, "появление имён Соломона и Экклесиаста в поздних кнотовских книгах - результат подведения жизненного и творческого итога, результат сведения жизни и творчества к определённым парадигмам, мифам" (с. 400).

Подчёркивая ещё раз, что поэтическая эволюция Довида Кнута не была имманентной, не замыкалась в рамках индивидуального художественного сознания, а развивалась в определённом контексте, автор монографии представляет этот контекст многослойным. Один слой (или одна из концентрических окружностей; пространственная метафора может, наверное, варьироваться) - это контекст исторической действительности, другой - контекст еврейской истории и культуры, третий - контекст русской поэзии XIX-XX веков. Особую роль играет библейский контекст, столь важный для понимания художественного мира произведений Кнута.

Читая книгу "Довид Кнут", нельзя не осознать, что она создана литературоведом, обладающим чрезвычайно широким диапазоном специальных интересов и знаний. От него не укрываются ни многочисленные библейские реминисценции, ни следы влияния крупных поэтов России и западноевропейского мира, ни интересные, зачастую неожиданные типологические схождения между стихами Кнута и творениями самых разных мастеров поэтического слова. Исторический и творческий спектр имён цитируемых или вспоминаемых поэтов впечатляет своей широтой: от Данте до Шимона Фруга, от Вяземского и Лермонтова до Есенина и Николая Тихонова.

Ассоциации с русской поэзией Серебряного века особенно часты в книге, и это совсем не случайно. Ф.Фёдоров без громких и сенсационных деклараций, по сути, вписывает Довида Кнута в пёструю картину развития русской поэзии его времени, разумеется, воспринимая эту поэзию в целостности, независимо от мест проживания разных литераторов. Вопрос о национальной атрибуции поэта и его стихов здесь специально не обсуждается, хотя поневоле затрагивается, и более или менее определённый ответ на этот вопрос не предлагается априорно, а как будто вызревает в ходе проводимого анализа.

Так, на первых страницах монографии можно встретить утверждение, что "поэзия Кнута - это русско-еврейская поэзия" (с. 6). Здесь Фёдоров использует спорное гибридное определение, ведущее своё начало от книги В.Львова-Рогачевского "Русско-еврейская литература" (1922 г.) и активно эксплуатировавшееся в новейший период самыми разными критиками и литературоведами, включая, например, такого тонкого и проницательного специалиста, как покойный Шимон Маркиш. В главе "Жизнь и судьба" встречаем такое утверждение: "Кнут был не только русским поэтом..." (с. 70). На последней странице труда есть беглое упоминание о контактах с "русскоязычной одесской прозой, например, с Бабелем" (с. 442). В краткой рецензии, очевидно, выглядело бы неуместным пространное обсуждение целесообразности употребления в этой связи термина "русскоязычный", успешно скомпрометированного в конце прошлого столетия В.Кожинным и его единомышленниками. Вернёмся, однако, к Довиду Кнута.

Тщательно исследуя мотивы и образную фактуру стихов поэта, не упуская из вида эвфонию, метрику и строфику, Ф.Фёдоров совершенно правомерно сопоставляет творчество изучаемого им автора с произведениями целого ряда русских поэтов. Чаще всего возникают ассоциации с Александром Блоком, сошлюсь хотя бы на интереснейшее отступление "Ещё раз о контекстах Блока" (с. 146-148). Помимо стихов Блока, цитируются также строки Андрея Белого и В. Ходасевича, К. Бальмонта и Вяч. Иванова, Георгия Иванова, Г.Адамовича и многих других. О втором сборнике стихов Кнута доказательно говорится как о "книге символистской языковой доминанты" (с. 164), причём источником этой "доминанты" выступает поэзия русского символизма. Разумеется, говоря о контексте историческом, исследователь абсолютно прав в своём утверждении, что творчество Кнута существует "прежде всего в еврейском контексте" (с. 105). Но, ставя творческое наследие изучаемого поэта в русло лирики рубежа веков и начала XX века, Ф.Фёдоров и сам приходит к выводу (пусть эксплицитно не акцентированному), что Довид Кнут занял своё место в русской поэзии первой половины прошлого столетия.

Для рецензируемой монографии в целом характерен высокий уровень филологической культуры. Это важно, поскольку адресован труд прежде всего специалистам, которым не требуется в ходе чтения филологической литературы заглядывать в предметный указатель или словарь терминов. Однако, думается, что к книге Фёдорова потянутся и просто любители поэзии, обладающие некоторой

эстетической подготовкой. Полагаю, им будет очень интересно не только открыть для себя нового, скорее всего, прежде неизвестного поэта, но также - следить за логикой исследовательской мысли. Этой логикой продиктована и структурная организация книги, важным компонентом которой являются вставные фрагменты - многочисленные отступления о других авторах (Бенедиктове, Бунине, Блоке, Бальмонте, Марке Талове, Парнахе), об отдельных стихотворных произведениях, жанровых формах или мотивах русской поэзии, библейских мотивах и пр. Это не просто пояснения или дополнения, у таких отступлений есть и своя композиционная функция, подобная той роли, которую в классических романах играют вставные новеллы, отнюдь не нарушающие целостности всего текста.

И вся книга, и каждая из её глав открываются, как правило, поэтическими (реже - прозаическими) эпиграфами, подобранными с большим вкусом и созвучными содержанию разделов. В эпиграфе к Заключению, взятом из стихов Арсения Тарковского, есть такая строчка:

- Я кончил книгу и поставил точку...

Ф.Фёдоров "кончил" книгу о поэте трагической судьбы Довиде Кнута, и теперь книга эта начинает свою самостоятельную жизнь, держа путь к заинтересованному читателю.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ

© M. Sokolianskii